

УДК 316.4.05

Регион: экономика и социология, 2024, № 3 (123), с. 75–97

Н.Д. Вавилина, Ю.М. Шпигунова

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

В статье рассматривается социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия жителей г. Новосибирска. Научный и практический интерес к Новосибирску обусловлен тем, что этот мегаполис занимает четвертое место в стране по потоку мигрантов. По результатам социологического исследования «Состояние социальной обстановки, межнациональных и межконфессиональных отношений в Новосибирске», проводимого с 2018 г. на основе одной модели многомерной, стратифицированной выборочной совокупности, авторами сделан вывод о возросшей в городе социальной дистанции в отношениях с мигрантами, об усилении интеграции по национальному признаку. В статье дана классификация видов социального взаимодействия и доказано, что те, кто лично сталкивался с нарушениями своих прав из-за национальной принадлежности, в той или иной степени видят основания для конфликтных отношений и конфликтов.

Ключевые слова: социальное дистанцирование; социальное взаимодействие; социальная дистанция; межнациональные отношения; миграция; идентичность; напряженность; конфликт

Для цитирования: Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М. Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия в условиях мегаполиса // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3 (123). – С. 75–97. DOI: 10.15372/REG20240304.

События последних нескольких лет, в первую очередь пандемия COVID-19, внесли ряд принципиальных изменений в социальное взаимодействие сообществ, под которым в социологии понимается процесс влияния друг на друга индивидов, социальных групп, социальных систем, обществ. Фактором, в наибольшей степени обуславливающим это влияние, является миграция. Как известно, миграция имеет объективный характер, но тем важнее понять, как она влияет на сложившиеся сообщества, а еще более актуализируется эта потребность в условиях, когда одной из форм социального взаимодействия было объявлено социальное дистанцирование. При этом «вписывание в пейзаж» осложнялось еще двумя факторами: сообщество, куда входили мигранты, было многонациональным, а город является мегаполисом, образующим фактически агломерацию. Как это изменило социальный контекст? Каковы последствия и результаты изменений? Станет ли социальное дистанцирование основой для конкурентирования и дискриминации или платформой для социального сплочения?

Цель статьи – показать изменения во взаимодействии мигрантов с городским сообществом в последние годы в условиях реализации стратегии социального дистанцирования.

КАТЕГОРИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ» В СОЦИОЛОГИИ

Термин «социальная дистанция» давно употребляется в социологии, но второе рождение он получил в период пандемии коронавируса COVID-19, когда стал обозначать физическое расстояние между двумя индивидами с целью недопущения распространения инфекции.

Понятие «дистанция» происходит от лат. *distantia* – «расстояние, промежуток», производного от глагола *distare* – «отстоять, находиться на расстоянии». Применительно к человеческим отношениям данный термин стал использоваться благодаря немецкому философу и социологу Г. Зиммелю. А американский социолог Э. Богардус создал шкалу социальной дистанции [1]. Идеи Зиммеля, подхваченные Чикагской школой социологии, привели к введению термина «социальная дистанция» в исследовательские практики.

В российской социологии изучением вопроса о восприятии групп «чужих» и «других» занимаются И.И. Краснопольская и Г.С. Солодова [2]. Поднимают вопрос о социальной дистанции в психологических и филологических исследованиях И.Г. Маланчук и В.В. Марсова [3]. А.Ф. Филиппов [4] рассматривает социальную дистанцию с точки зрения кодификации социологического знания.

Важность изучения социальной дистанции в современных реалиях связана с остротой межнационального вопроса, с определенной стереотипизацией общества в отношении мигрантов, со сложностью их адаптации, нередко приводящей к маргинальному поведению, а также с использованием этого феномена в качестве инструмента профилактики в период распространения инфекции коронавируса.

Зарубежные исследования самого последнего времени показывают усугубление межнациональных процессов, в которых социальное дистанцирование стало результатом групповой сплоченности коренного населения в ответ на действия внешней среды. К примеру, для Латиноамериканского континента увеличение социального дистанцирования явилось следствием пандемии [5], поскольку, как показывают лонгитюдные исследования, для 2017 и 2018 гг. характерны снижение уровня угрозы и улучшение отношения к мигрантам с точки зрения общительности и идентичности, однако в опросах 2021 г. отражена обратная динамика. Западно-европейская ситуация также демонстрирует увеличение социальной дистанции и тревожности населения на фоне происходящих процессов миграции мусульманского населения [6; 7].

Авторов данной статьи проблемы социальной дистанции интересуют с точки зрения прогнозирования социальных конфликтов в межнациональных отношениях и их профилактики в условиях активной трудовой миграции, которая, как правило, в России имеет этнический характер.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ПРОЦЕСС

Как известно, социальное взаимодействие – это процесс взаимобусловленных социальных действий, при котором действия одного субъекта одновременно являются причиной и следствием ответных

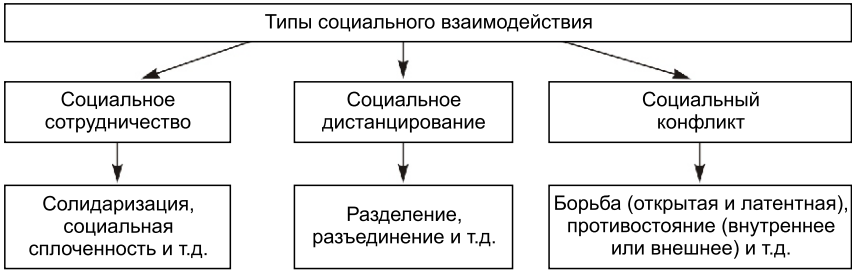

Рис. 1. Типы социального взаимодействия

Источник: составлено авторами

действий других субъектов. Принято выделять два основных типа социального взаимодействия: сотрудничество и соперничество. Представляется, что условия общественного развития самых последних лет позволяют дополнить эту типологию социальным дистанцированием (рис. 1).

В свою очередь, социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия может приобретать различные формы, которые будут обусловлены целым рядом факторов. И как следствие, могут быть как формой социального объединения, так и формой конкурирования. Более того, объединение может иметь не всегда конструктивный характер и быть направленным против групп, сообществ и т.д. (рис. 2).

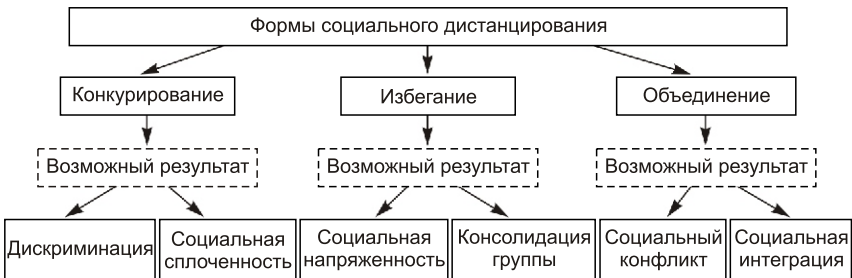

Рис. 2. Формы социального дистанцирования

Источник: составлено авторами

Таким образом, в сообществе возникают противоречивые тенденции, формируемые одним и тем же процессом – социальным дистанцированием. А именно, социальное дистанцирование может предоставлять возможности социальных действий для формирования социальной сплоченности, но также может вести к формированию дискриминации и выступать фактором усиления социальных конфликтов.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Все последние годы развитие российского общества сопровождалось существенным ростом трудовой миграции. Для Сибири была характерна в основном этническая миграция, что вело к определенным изменениям «национального ландшафта» и сказывалось на межнациональном взаимодействии.

В условиях пандемии миграционные процессы замедлились, особенно в 2020 г. Затем они вновь получили развитие, но это происходило уже в условиях резкого изменения положения России во внешнем пространстве в связи с проведением СВО. Каким образом это сказалось на взаимодействии с этнической миграцией? Какие элементы были в это внесены социальным дистанцированием, которое в данном случае выходило далеко за пределы здравоохранения? Как известно, в условиях кризисов именно «чужие» чаще других групп испытывают проблемы. К примеру, чилийские социологи отметили, что вспышки COVID-19 для мигрантов в Чили усилили их дискриминацию [5].

Изучение проблемы социального дистанцирования в отношении с мигрантами осуществлялось в рамках социологического исследования «Состояние социальной обстановки, межнациональных и межконфессиональных отношений в Новосибирске», проводимого с 2018 г. на основе одной модели многомерной, стратифицированной выборочной совокупности. На первом этапе рассчитывалась квотная выборка, для определения которой использовались следующие признаки: удельный вес жителей каждого района Новосибирска, пол и возраст. На втором этапе использовалась бесповторная вероятностная выборка на основе маршрутного метода по месту жительства респондентов. В качестве основного метода сбора эмпирических данных применялось полуформализованное интервью.

Новосибирск является не только центром Новосибирской области, но и столицей Сибирского федерального округа. Численность населения здесь на 1 января 2023 г. составила 1 635 000 чел.¹ Агломерация при этом включает почти 70% всего населения региона.

В опросе были представлены жители Новосибирска 18 лет и старше, репрезентирующие возрастную структуру, состоящую из семи возрастных групп, среди участников обследования было 46% мужчин и 54% женщин. Доминировали в ходе опроса респонденты, имеющие высшее (50%) и среднее (30%) профессиональное образование, что, с одной стороны, является общей тенденцией опросов в Новосибирске, а с другой – это отличительная характеристика города как одного из центров России с высоким удельным весом взрослого населения, имеющего высокий уровень образования. В то же время в структуре опроса представлены респонденты начиная с имеющих основное среднее образование. Участники опроса заняты в 18 отраслях экономики либо ведут домашнее хозяйство, являются пенсионерами и студентами. Анализ данных позволяет утверждать, что среди участников обследования все годы представлены основные демографические, социальные, профессиональные, статусные, экономические группы населения Новосибирска. Это дает возможность считать их оценки, ориентации, ожидания выражающими общественное мнение жителей Новосибирска. В то же время, являясь крупным территориальным образованием, мегаполис очевидно репрезентирует процессы, характерные как минимум для схожих сообществ, как максимум – в той или иной степени для всего российского общества.

МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ДИСТАНЦИРОВАНИЯ

В последние годы как в России в целом, так и в Новосибирске миграция носит ярко выраженный этнический характер. Поэтому оценки миграционных процессов являются крайне важными для понимания межнационального взаимодействия.

¹ См. официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – URL: <https://54.rosstat.gov.ru/news/document/203950> (дата обращения: 14.09.2023).

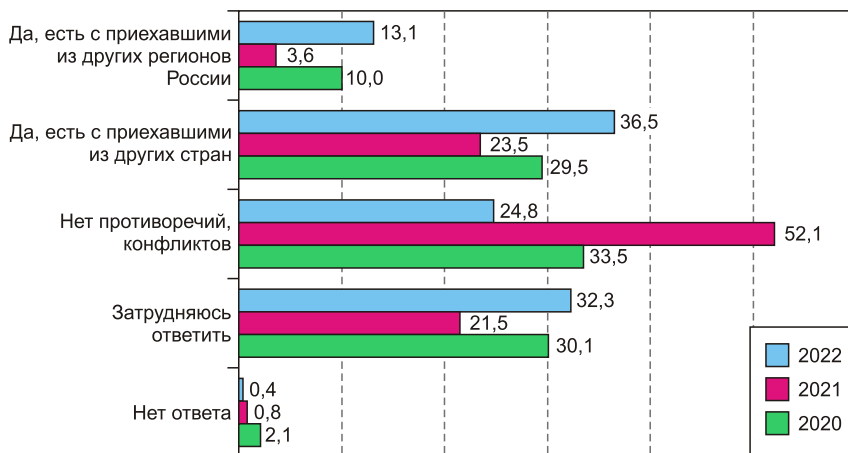

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли в Новосибирске какие-либо противоречия, конфликты между приезжими других национальностей и местными жителями?», 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Анализ полученных данных показывает, что отношение к мигрантам у новосибирцев в 2022 г. остается достаточно продуктивным: 24,8% опрошенных утверждали, что в Новосибирске нет противоречий и конфликтов с приезжими. Но другая часть – 36,5% – считали, что есть такие противоречия с приехавшими из других стран, а еще 13,1% – что есть противоречия даже с приехавшими из других регионов России (рис. 3).

Это демонстрирует принципиальные изменения по сравнению с 2021 г. Тогда об отсутствии конфликтов и противоречий говорили 52,1% опрошенных, т.е. больше чем в 2 раза, а об их наличии – 23,5%, имея в виду другие страны. И еще 3,6% – имея в виду другие регионы РФ. Возможно, такие изменения обусловлены двумя факторами. Во-первых, в 2022 г. были сняты все ограничения, связанные с пандемией: открыты границы, возобновилось транспортное сообщение с республиками Средней Азии, активизировались бизнес-процессы

и трудовая миграция. Во-вторых, введение санкций против России и организация беспрецедентной русофобской кампании усилили национальное самосознание, что, как правило, ведет к отторжению «каждого другого».

Однако для более глубоких оценок лучше в этом случае опираться на личный опыт общения жителей. А доминирующей оценкой ситуации взаимодействия с мигрантами в 2022 г. была позиция «сталкиваясь в повседневной жизни с трудовыми мигрантами из других стран, я не испытываю опасений, настороженности», на что указали 66,7% опрошенных (рис. 4). Но удельный вес этой группы по сравнению с 2021 г. уменьшился на 10,5% (с 77,2 до 66,7%). И это подкрепляет высказанные выше утверждения.

Особенно значимой является динамика позиции, свидетельствующей о настороженности в отношении мигрантов. Удельный вес группы с такой позицией всего за один год вырос с 21,0 до 31,1%. Это еще не ситуация 2018 г. (44,1%), но уже и не 2020 и 2021 гг. Дистанция заметно выросла. Теперь каждый третий взрослый житель мегаполиса испытывает опасения и настороженность по отношению к трудо-

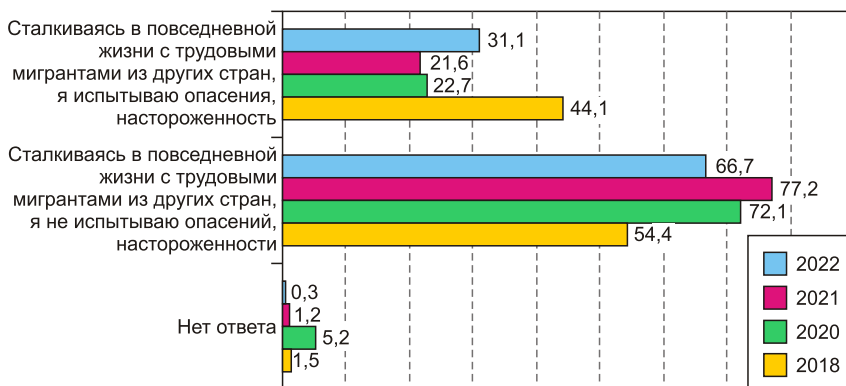

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «С каким из перечисленных суждений о мигрантах вы согласны в большей степени?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

вым мигрантам. Очевидно, что перед нами явное социальное дистанцирование, более того, его усиление. И важно определить те формы социального взаимодействия, которые оно порождает.

Анализ процессов формирования идентичности в последние два года показывает, что определенная часть общества стала более активно стремиться к социальной интеграции на основе национальной принадлежности (табл. 1). Сравним: если в 2021 г. близость с людьми своей национальности часто и иногда ощущали 63,2% участников обследования, то в 2022 г. – 72,9%. Более того, это ощущение солидарности имеет явное политическое основание: с людьми, близкими по политическим взглядам, в 2021 г. чувствовали общность часто и иногда 61,6%, в 2022 г. – 67,9% (см. табл. 1).

Таким образом, можно констатировать, что одна из форм социального взаимодействия, а именно объединение, получила в 2022 г. усиление. И это происходило в условиях роста ощущений опасения и настороженности при столкновении в повседневной жизни с трудовыми мигрантами.

Подобный характер социального взаимодействия сказался определенным образом на развитии отношений между людьми разных национальностей, что вполне закономерно. Анализ полученных в 2022 г. данных показывает, что 5,9% опрошенных оценивают отношения между людьми разных национальностей в Новосибирске как доброжелательные. Еще 51,1% оценивали отношения как нормальные, бесконфликтные, что в совокупности составило 57,0% (рис. 5). В 2021 г. 61,1% сочли межнациональные отношения нормальными и бесконфликтными. И вместе с оценками тех, кто оценил отношения как доброжелательные, такие оценки дали 67,2%.

Сравнение этих характеристик показывает заметное снижение количества положительных оценок: с 67,2% в 2021 г. до 57,0% в 2022 г. Напряженными, конфликтными межнациональные отношения в 2021 г. сочли 16,4%, в 2022 г. – 22,9%, взрывоопасными, способными перейти в открытые столкновения – 1,3 и 3,3% соответственно. Очевидно, что по сравнению с 2021 г. межнациональные отношения получили менее позитивные оценки. Фактически каждый четвертый респондент (26,2%) оценивает межнациональные отношения

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: это – мы?», 2021, 2022 гг., % от всей совокупности опрошенных

Вариант ответа	Часто		Иногда		Практически никогда		Трудно сказать		Нет ответа	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
С людьми моего поколения, возраста	57,5	52,0	24,8	32,9	6,4	5,6	9,1	8,1	2,3	1,3
С людьми той же профессии, рода занятий	52,5	44,5	24,9	34,9	7,2	8,9	12,7	10,4	2,7	1,2
Со всеми гражданами России	37,6	22,5	25,6	40,0	11,1	11,1	21,9	24,9	3,9	1,5
С жителями области, где я живу	38,9	22,0	24,5	40,4	10,1	12,5	22,5	22,7	3,9	2,4
С теми, кто живет в том же городе, что и я	46,0	27,2	21,9	41,1	9,7	9,9	18,3	19,6	4,1	2,3
С людьми моей национальности	38,3	35,6	24,9	37,3	9,7	8,4	23,6	16,4	3,5	2,3
С людьми такого же достатка	36,4	28,1	25,6	39,2	9,1	10,1	24,5	20,0	4,4	2,5
С людьми, близкими мне по политическим взглядам	32,7	37,5	28,9	30,4	10,1	9,6	24,3	20,1	4,0	2,4
С людьми моей веры	33,2	31,4	22,5	27,7	10,4	11,3	30,3	27,3	3,6	1,9

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

в 2022 г. как конфликтные, тогда как в 2021 г. о таком их характере говорили 17,7% опрошенных (см. рис. 5).

Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия
в условиях мегаполиса

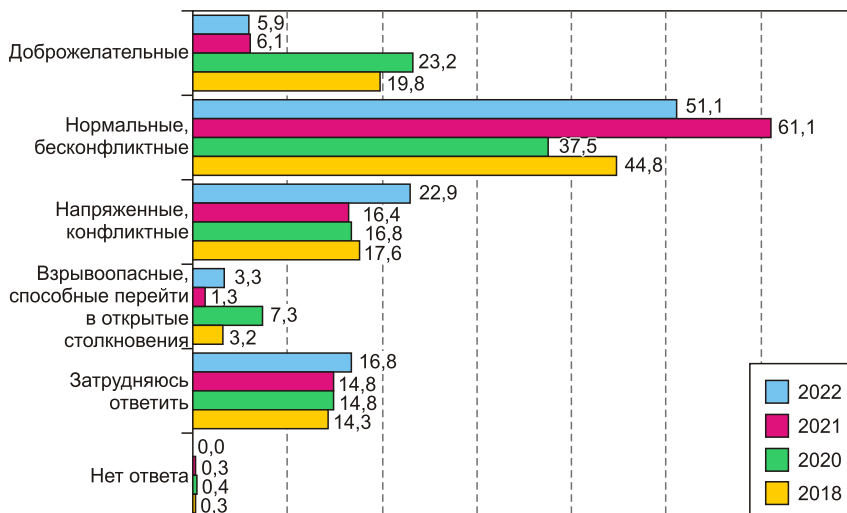

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на ваш взгляд, отношения между людьми разных национальностей в Новосибирске?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Реальность деструктивных процессов подтверждается оценками участников опросов. Оценивая изменения в межнациональном взаимодействии за последние годы в России в целом, в 2022 г.² 22,4% респондентов указали, что они были позитивными, еще 34,5% – что изменений не было, а негативными их сочли 40,5%, причем 9,7% – «однозначно негативными» (рис. 6). Анализируя динамику по отношению к 2021 г., необходимо признать, что фактически оценки существенно изменились. Возможно, такие изменения связаны с характером политических условий, который определялся проведением СВО и частичной мобилизацией, поскольку опрос шел с 1 по 10 ноября 2022 г. В 2021 г. негативными изменения назвали 23,4% респон-

² В предыдущих опросах речь шла о последних трех годах, а в 2022 г. оценивались изменения только за последний год с учетом принципиально новых событий для России.

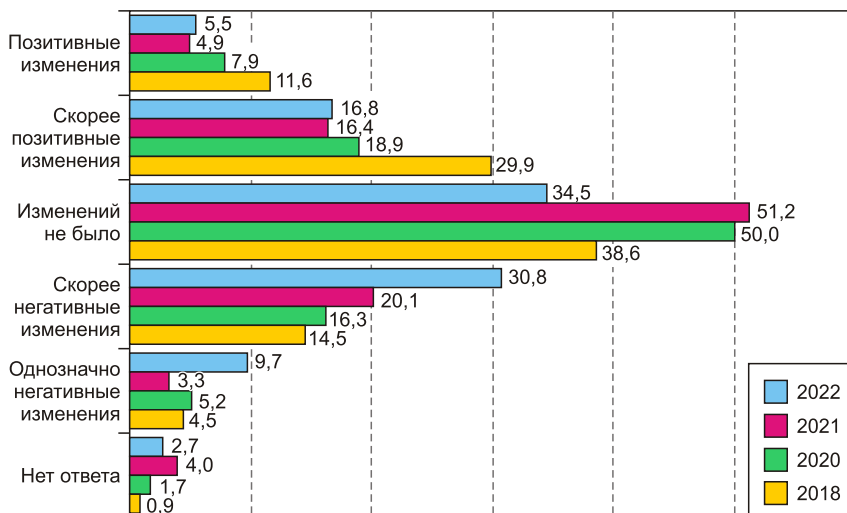

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, какие изменения в межнациональных отношениях населения России произошли за последние три года?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

дентов. Скорее всего, в 2022 г. к негативным оценкам присоединились те, кто в 2021 г. считал, что изменений не было, так как удельный вес позитивно оценивающих изменения оказался практически одинаковым: в 2021 г. – 21,3%, в 2022 г. – 22,3%.

Оценки изменений в межнациональных отношениях за последний год в Новосибирске заметно отличаются от общероссийских. Если в 2021 г. об их позитивном характере в Новосибирске сказали 19,4% опрошенных, то в 2022 г. – уже 20,1% (рис. 7). И главное, в Новосибирске существенно меньше уровень негативных оценок – 27,9%, тогда как по России в целом – 40,5%. Хотя по сравнению с 2021 г. удельный вес таких оценок вырос и здесь: с 22,0 до 27,9%. И если общероссийские процессы, очевидно, были связаны в значительной степени с внешними условиями, то изменения в «ближнем круге» имели другие основания.

Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия
в условиях мегаполиса

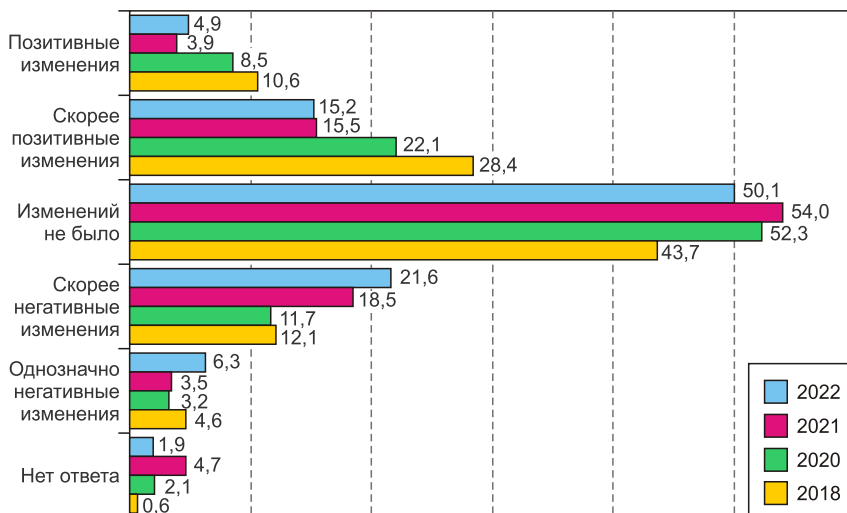

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, какие изменения в межнациональных отношениях населения в Новосибирске произошли за последние три года?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Прежде чем обсуждать с участниками обследования проблемы межнациональной напряженности и возможных конфликтов, им были заданы вопросы о личном опыте непродуктивных отношений на почве межнациональной неприязни. Как показали полученные результаты, в 2022 г. 6,8% опрошенных испытывали лично в течение последнего года по отношению к себе неприязнь, враждебное отношение из-за своей национальной принадлежности. По сравнению с 2021 г. число таких респондентов увеличилось с 3,6 до 6,8%, т.е., почти в 2 раза (рис. 8).

За этот же период выросла доля тех, кто не испытывал такого состояния: с 83,7 до 88,5%, т.е. на 4,8% (см. рис. 8). И существенно сократилось число затруднившихся ответить: с 12,3 до 4,1%, т.е. в 3 раза (см. рис. 8). Последнее явно свидетельствует о сложившейся

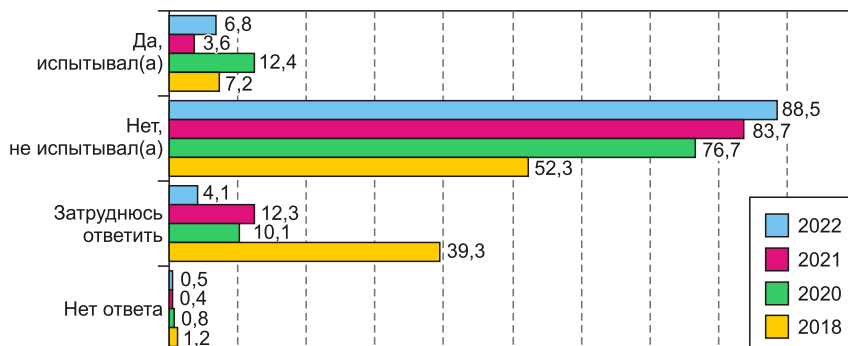

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Испытывали вы лично или не испытывали в течение последнего года по отношению к себе неприязнь, враждебное отношение из-за своей национальной принадлежности?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

и устойчивой системе отношений в этой сфере. И это следует считать позитивной тенденцией в развитии межнациональных отношений в сообществе Новосибирска. Но целый ряд других данных позволил зафиксировать также позиции, непродуктивные для развития межнациональных отношений: 27,9% опрошенных заявили о негативных изменениях в течение последнего года; более 26,2% респондентов сочли, что в настоящее время межнациональные отношения в Новосибирске напряженные, конфликтные и взрывоопасные. Все это требует более системного анализа.

Возможно, в данном случае речь идет лишь о стереотипах массового сознания. Оценки самих участников опросов относительно возможности межнациональных конфликтов подтверждают этот вывод. В ходе нашего опроса в 2022 г. только 16,8% респондентов твердо сказали, что конфликты на межнациональной почве в Новосибирске возможны, еще 26,7% – что они скорее возможны, 26,8% – что скорее невозможны, 6,8% – что невозможны, и 22,7% затруднились ответить (рис. 9).

Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия
в условиях мегаполиса

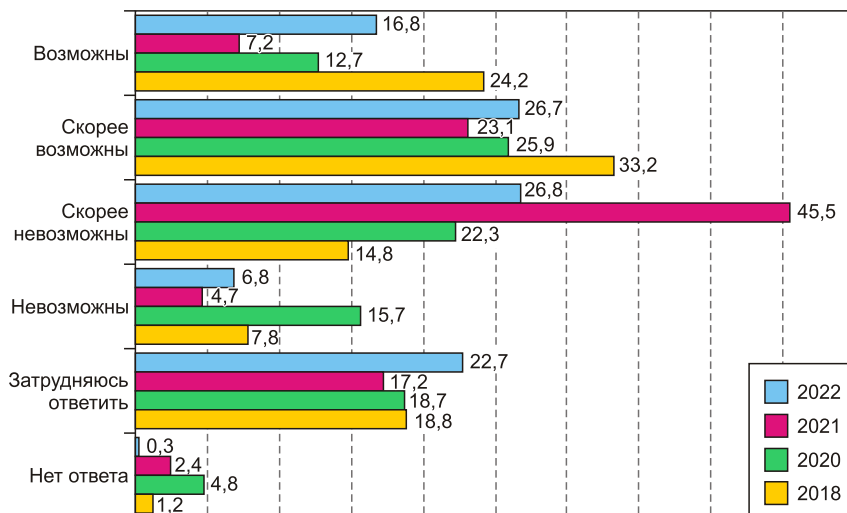

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, в Новосибирске возможны ли конфликты на межнациональной почве?», 2018, 2020, 2021, 2022 гг., % от каждой совокупности опрошенных

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска

Однако по сравнению с 2021 г. число тех, кто говорил о возможности конфликтов такого типа, существенно выросло: с 30,3 до 43,5%. А удельный вес сторонников противоположной позиции существенно уменьшился: с 50,2 до 33,6% (см. рис. 9). Также выросло число тех, кто затруднился с ответом: с 17,2 до 22,7%. Таким образом, очевидна деструктивная тенденция в развитии межнационального взаимодействия. И скорее в ряде случаев непродуктивных оценок мы имеем дело не только со стереотипами, сформировавшимися в общественном мнении горожан, но и с некоторыми реальными явлениями. Важно было определить, как это связано с процессами миграции и возможностью конфликтов.

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В рамках настоящего исследования респондентам был впервые задан вопрос о том, где, как часто и в каком качестве они сталкиваются с мигрантами. В опросе было предложено 10 вариантов взаимодействия. В отличие от шкалы социальной дистанции, разработанной Э. Богардусом, авторами данной статьи детальнее определялось близкое общение.

Как показывают полученные данные, основное взаимодействие жителей города и мигрантов происходит в транспорте, на улице, при покупке товаров и при посещении социальных учреждений (табл. 2). Однако для более глубокого анализа характера социального взаимодействия целесообразно выделить три вида отношений.

Первый вид, который условно можно обозначить как близкое личностное общение, будет включать: состояю в браке (2,0%); встречаюсь в мечети, в православном храме, другом религиозном учреждении (3,1%); поддерживаю приятельские/дружеские отношения (10,3%); общаемся в подъезде, дворе как соседи (9,3%). В такой вид общения включены 24,7% опрошенных, т.е. *часто* так взаимодействует с мигрантами примерно каждый четвертый житель Новосибирска.

Второй вид – ролевое/профессиональное взаимодействие: работаю в одной организации (15,2%); учусь в одном вузе, колледже (7,5%). В такое взаимодействие *часто* включены 22,7% респондентов, т.е. примерно каждый пятый новосибирец.

Третий вид – это объективно обусловленное взаимодействие: встречаю их в транспорте, на улице (54,9%); покупаю у них товары (40,1%); встречаюсь в социальных учреждениях (детские сады, школы, поликлиники и т.д.) (30,5%); живу по соседству, но не общаюсь (21,9%). В этот вид взаимодействия включены практически все жители 18 лет и старше.

Интенсивность третьего вида взаимодействия по отношению ко второму виду составляет 6,5:1, к первому – 6:1. Таким образом, необходимо признать, что взаимодействие и его оценки формируются именно через объективно обусловленные формы, т.е. такие, которые

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «В каком качестве и как часто вам доводится общаться с мигрантами?», % от всей совокупности опрошенных, 2022 г.

Вариант ответа	Часто	Время от времени	Редко	Никогда	Нет ответа
Встречаю их в транспорте и на улице	54,9	29,2	11,5	4,0	0,4
Покупаю у них товары	40,1	39,5	14,5	5,1	0,8
Встречаюсь в социальных учреждениях (детские сады, школы, поликлиники и т.д.)	30,5	31,6	23,6	13,1	1,2
Живу по соседству, но не общаюсь	21,9	24,1	27,9	24,9	1,2
Общаемся в подъезде, дворе как соседи	9,3	18,7	29,0	40,9	1,2
Работаю в одной организации	15,2	14,0	22,0	47,3	1,5
Учусь в одном вузе, колледже	7,5	9,6	15,1	64,4	3,5
Поддерживаю приятельские/дружеские отношения	10,3	19,5	29,2	38,8	2,3
Встречаюсь в мечети, православном храме, ином религиозном учреждении	3,1	3,9	13,3	77,9	1,9
Состою в браке	2,0	1,5	2,3	92,0	2,3

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

невозможно избежать. Но именно это и приводит, как правило, к возникновению опасений и настороженности.

Крайние позиции в этом случае занимают те, кто лично сталкивался в последний год с нарушением своих прав или ограничением возможностей из-за своей национальности. Такие жители мегаполиса в 2 раза чаще других встречались в сообществе с проявлениями национализма и экстремизма (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопросы: «Случалось ли вам сталкиваться с проявлениями национализма и экстремизма в Новосибирске?» и «Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности?», % от всей совокупности опрошенных

Случалось ли вам сталкиваться с проявлениями национализма и экстремизма в Новосибирске? Вариант ответа	Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности? Вариант ответа				В с е г о
	Да, сталкивался(ась)	Нет, не сталкивался(ась)	Затрудняюсь ответить	Нет ответа	
Ничего подобного не встречал	15,8	45,0	22,2	33,3	43,3
Иногда встречал	68,4	35,7	40,7	16,7	36,5
Часто встречаю	5,3	5,2	7,4	16,7	5,3
Затрудняюсь ответить	10,5	14,0	29,6	33,3	14,7
Нет ответа	–	0,1	–	–	0,1
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

Закономерно, что именно эта часть населения значительно больше других убеждена в возможности конфликтов на межнациональной почве (табл. 4). Более того, именно среди тех участников опроса, кто сталкивался с нарушениями своих прав из-за национальной принадлежности, фактически нет отрицающих возможность конфликтов на межнациональной почве. И при этом, как было показано выше, удельный вес такой группы за последний год увеличился. Очевидно, что рост социальной дистанции ведет к росту конфликтных настроений, а вслед за этим возможна и консолидация их носителей, что может послужить основой для реального социального конфликта.

Таблица 4

Распределение ответов на вопросы: «Как вы считаете, возможны ли конфликты на межнациональной почве в Новосибирске в ближайшее время?» и «Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности?», % от всей совокупности опрошенных

Как вы считаете, возможны ли конфликты на межнациональной почве в Новосибирске в ближайшее время? Вариант ответа	Приходилось ли вам за последний год сталкиваться с нарушениями ваших прав или ограничением возможностей из-за своей национальности? Вариант ответа				В с е г о
	Да, сталкивался(ась)	Нет, не сталкивался(ась)	Затрудняюсь ответить	Нет ответа	
Возможны	31,6	16,2	22,2	16,7	16,8
Скорее возможны	5,3	27,4	25,9	16,7	26,7
Скорее невозможны	31,6	26,5	25,9	50,0	26,8
Невозможны	—	7,0	3,7	16,7	6,8
Затрудняюсь ответить	31,6	22,6	22,2	—	22,7
Нет ответа	—	0,3	—	—	0,3
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований, проводимых по заказу мэрии г. Новосибирска.

* * *

Таким образом, необходимо признать, что социальное дистанцирование, избранное в 2020 г. как модель поведения с целью недопущения распространения инфекции коронавируса COVID-19, привело к существенным изменениям в реальном социальном взаимодействии.

1. Заметно выросла социальная дистанция в отношениях с мигрантами. Теперь каждый третий житель мегаполиса испытывает опасения, сталкиваясь с ними в повседневной жизни.

2. Анализ процессов формирования идентичности показал, что в последние два года усилилось стремление к интеграции на основе национальной принадлежности. И следовательно, социальное дистанцирование способствовало объединению определенной части населения.

3. Вырос удельный вес тех, кто видит в межнациональных отношениях нарастание конфликтности. И если в России в целом это могло быть обусловлено внешними факторами, то в местном сообществе, таком как жители Новосибирска, который занимает четвертое место в стране по потоку мигрантов, это было результатом обостренного отношения к «другим» и «чужим».

4. Для социального взаимодействия такого уровня характерны три вида: близкое, личностное общение; ролевое/профессиональное взаимодействие; объективно обусловленное взаимодействие. В последний из них включены практически все жители 18 лет и старше, и именно это приводит, как правило, к возникновению опасений и настороженности.

5. Существует реальная почва для возникновения конфликтов на межнациональной основе. Все те, кто в последний год лично сталкивался с нарушениями своих прав из-за своей национальной принадлежности, в той или иной степени видят основания для таких конфликтных отношений, и лишь отсутствие консолидации пока не приводит к таким действиям. Очевидно, что социальное дистанцирование делает возможным и социальный конфликт.

Список источников

1. Богардус Э.С. Социальная дистанция в городе // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реф. сб. / Отв. ред. Л.В. Гирко – М.: ИНИОН, 2003. – С. 179–186.
2. Краснопольская И.И., Солодова Г.С. Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 24–35.

3. Маланчук И.Г., Марсова В.В. Проблема социальной дистанции в психологических и филологических исследованиях. – URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013336> (дата обращения: 14.09.2023).

4. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства. – URL: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/1854-2011-05-01-02-36-30> (дата обращения: 21.02.2023).

5. Castillo J.C., Bonhomme M., Miranda D., Iturra J. Social cohesion and attitudinal changes toward migration: A longitudinal perspective amid the COVID-19 pandemic. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2022.1009567/full> (дата обращения: 04.09.2023).

6. Johansson T.R. In defence of multiculturalism – theoretical challenges. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03906701.2022.2045141> (дата обращения: 04.04.2023). DOI: 10.1080/03906701.2022.2045141.

7. Lazëri M., Coenders M. Dutch national identity in a majority-minority context: when the dominant group becomes a local minority. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2022.2104698> (дата обращения: 04.04.2023). DOI: 10.1080/1369183X.2022.2104698.

Информация об авторах

Вавилина Надежда Дмитриевна (Россия, Новосибирск) – доктор социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Центр социологических исследований». Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6). E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru.

Шпигунова Юлия Михайловна (Россия, Новосибирск) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований». Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6). E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru.

DOI: 10.15372/REG20240304

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 3 (123), p. 75–97

N.D. Vavilina, Yu.M. Shpigunova

SOCIAL DISTANCING AS A PROCESS OF SOCIAL INTERACTION IN A METROPOLIS

This article examines social distancing as a process of social interaction among residents of Novosibirsk. The scientific and practical interest in this metropolis stems from its ranking as the fourth-highest city in terms of migrant inflow in Russia. Drawing on data from the ongoing sociological study “The State of the Social Situation, Interethnic and Interfaith Relations in Novosibirsk,” which has been conducted since 2018 using a multidimensional, stratified sampling model, the authors conclude that social distance in relations with migrants has increased in the city, alongside greater integration by nationality. The paper categorizes types of social interaction and proves that individuals who have personally experienced violations of their rights due to ethnicity see grounds for conflictual relationships and conflicts to a greater or lesser extent.

Keywords: social distancing; social interaction; social distance; inter-ethnic relations; migration; identity; tension; conflict

For citation: Vavilina, N.D. & Yu.M. Shpigunova. (2024). Sotsialnoe distantsirovanie kak protsess sotsialnogo vzaimodeystviya v usloviyakh megapolisa [Social distancing as a process of social interaction in a metropolis]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (123), 75–97. DOI: 10.15372/REG20240304.

References

1. Bogardus, E.S. (2003). Sotsialnaya distantsiya v gorode [Social distance in the city]. In: L.V. Girko (Ed.). Sotsialnoe prostranstvo: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: Ref. sb. [Social Space: Interdisciplinary Studies: Abstract collection]. Moscow, INION Publ., 179–186.
2. Krasnopolskaya, I.I. & G.S. Solodova. (2012). Vospriyatie chuzhaka gruppoy v sotsiologii G. Zimmelya [Group perception of a stranger in G. Simmel sociology]. Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological Journal], 4, 24–35.

3. *Malanchuk, I.G. & V.V. Marsova.* (2015). Problema sotsialnoy distantsii v psikhologicheskikh i filologicheskikh issledovaniyakh [The problem of social distance in psychological and philological researches]. Available at: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013336> (date of access: 14.09.2023).
4. *Filippov, A.F.* (2011). Elementarnaya sotsiologiya prostranstva [Elementary sociology of space]. Available at: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/1854-2011-05-01-02-36-30> (date of access: 21.02.2023).
5. *Castillo, J.C., M. Bonhomme, D. Miranda & J. Iturra.* (2022). Social cohesion and attitudinal changes toward migration: A longitudinal perspective amid the COVID-19 pandemic. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2022.1009567/full> (date of access: 04.09.2023).
6. *Johansson, T.R.* (2022). In defence of multiculturalism – theoretical challenges. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03906701.2022.2045141> (date of access: 04.04.2023). DOI: 10.1080/03906701.2022.2045141.
7. *Lazëri, M. & M. Coenders.* (2022). Dutch national identity in a majority-minority context: when the dominant group becomes a local minority. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2022.2104698> (date of access: 04.04.2023). DOI: 10.1080/1369183X.2022.2104698.

About Authors

Vavilina, Nadezhda Dmitrievna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Docent, Head of the Research Laboratory “Center for Sociological Research”, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration (6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia). E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru.

Shpigunova, Yulia Mikhailovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Research Laboratory “Center for Sociological Research”, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration (6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia). E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru.

Поступила в редколлегию 21.09.2023.

После доработки 07.11.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

© Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М., 2024